



С ветки лист сорвался рыжий, грусть осеннюю пророча...

СЕРГЕЙ ГАВРИЛОВ

Из цикла «Крымские стихи»

Шуточная песенка

Кто-то жаждет съездить за границу:
Турцию, Египет или Ниццу.
Ну а я люблю российский Крым.
Чувствую себя здесь молодым!
Не нужны мне тайские нирваны.
Лучше с пивом — мидии, рапаны.
По душе — советский, русский Крым.
Чувствую себя здесь молодым!
Пусть маячат в джунглях обезьяны.
От вина в Крыму мы будем пьяны.
Для тебя, любимый, верный Крым,
Буду я всё время молодым!

* * *

Море спит. Вода в ночи темнеет.
Спит и берег в сумраке родной.
Так другая родина не греет,
Не несёт отеческий покой.
Лунный свет загадочный, далёкий
Серебрит чуть слышимый прибор.
Крым затих средь моря одинокий.
Если я вдали — всегда с тобой.
По ночам, любуясь дивным светом,
Я частенько думал о судьбе.
Не родился если бы поэтом,
И любовь иной была б к тебе.
И сегодня, глядя в даль морскую,
Я ночному Крыму пропою,
Что люблю я светлую, родную —
Эту землю русскую мою.

26.09.2018

МИХАИЛ ЕМЕЛЬЧЕНКОВ

Говори со мной

Говори со мной, не молчи,
Говори до потери чувства времени,
Долго так, чтоб сели часы,
И исчезли африканские племена,
Разговаривай бурно, навзрыд,
Словно век обменял на мгновение,
Говори со мной, не молчи,
Не позволь мне предаться забвению...

Степь

Степь. Где за туманами не видно конца,
Где светлые травы подходят по росту.
За длинными взглядами — тишина,
И нет вопросов.
Степь — время оставаться самим собой,
Тут в любую сторону — благодать,
Только здесь ты сам себе герой
И сам себе предатель.
Степь. Это самый тайный, недопетый сон,
Тот, что предназначен только тебе,
Робко лишь заступишь — ангел на крыле
Вознесёт, покажет райский небосклон.

ВЛАДИМИР ИКОРСКИЙ

Ветка берёзы

За окном моим ветка берёзы
Машет мне, чуть касаясь стекла.
Лишь вчера была скучною прозой,
А сегодня как радость света.
Пусть всего лишь на миг осветлела.
Первый снег её так нарядил.
И снежок на ней бархатно-белый
Говорит, что зима впереди.
Ветка машет мне снежною лаской.
Погоди, мол, твой пыл остужу.
Я на кухне эмиром Бухарским
Под её опахалом сажу.
Снег на голову, как говорится.
Снег на город как зимний обряд.
Снег на душу, в которой творится
Всё смятенье конца октября.

ЗИНАИДА КОКОРИНА

Мир детства

(А.С. Пушкин в Захарово)

Средь заповедных мест и пушкинских музеев
Есть «детских лет музей».
В ту пору были тут
Фруктовый сад и парк, кленовые аллеи,
Вязёмка тихая и живописный пруд.
Сельцо Захарово — дворянское имение

Любимой бабушкой Марией Ганнибал
Приобреталось для восстановления
Здоровья и души, чем Сашенька страдал.
Здесь смуглый толстячок, ранимый,
нелюдимый,
Заботой, нежностью и лаской был согрет,
Вниманьем бабушки и нянюшки Арины.
Родному языку учился здесь поэт.
В усадьбе был запрет общенья

по-французски,
Как в доме строго требовал отец.
Свобода действий, ни давленья, ни нагрузки,
Ни губернёров ненавистных, наконец...
Впервые стал играть здесь Саша
шестилетний —
Сначала с крепостными и уже потом
С соседскими детьми... И с каждым днём
заметней
Французский вытеснялся русским языком.
Лапта, ходули... и «потешные мальчишки»,
Влияние «прелестной сельской простоты»,
Сказанье нянюшки и бабушкины книжки
Рождала чувство красоты и доброты.
На берегу пруда скамья и липа рядом —
Любимый уголок тех славных дней и лет.
Перо, бумага... Свежесть и прохлада...
Формировался Пушкин — будущий поэт.

Ромашковый рай

Связано моё воспоминанье
С раем тем, что у подножья гор.
Чудное природы созиданье:
Из ромашек шёлковый ковёр!
Белым облаком парит межа,
Солнце в бархатных зрачках и нега...
Растворится в них моя душа,
Дымкой призрачной сольётся с небом...
Только пчёлки да шмели жужжат,
Только бабочки порхают рядом.
— Чувствуете, щёки, как нежна
Лепестков шелковая прохлада?!
Преклоню колени чуть дыша,
В сладострастной дрёме сердце тает...
Не расстанется моя душа
С этим облачно-ковровым раем!

ИГОРЬ КУЛАГИН-ШУЙСКИЙ

* * *

Подступают ночи ближе.
Дни становятся короче.
С ветки лист сорвался рыжий,
Грусть осеннюю пророча.
Быстро время золотое
Пролетит мельканьем буден.
Пусть себе... О том с тобою
Мы печалиться не будем.
На весах небесных взвесим
Всё добро и всё лихое...
Главное, чтоб сердца песня
Не давала нам покоя!

АННА ЛИТВИНОВА

Осеннее

Листья шуршат под ногами...
Вечная жизни загадка...
Что осень делает с нами?
Словно играем мы в прятки.
Всё вперемешку кружится —
Зелёное, красное, жёлтое...
Осень — поэтов царица,
В радужном платье шёлковом.
Дождики твои частые,
Ветры-пронеры противные...
Но в этом ведь тоже счастье,
Счастье осеннее, милое.

Детская жестокость

Грибочек подрост, приподнял лепесток
И солнышко подставил коричневый бок,
Он рос не один: поднимались, как пышки,
Кругом то сестрёнки его, то братишки,
Кому-то на радость, хоть в суп,
хоть в жаркое,
Везунчику выпадет счастье такое.
И тут ребятня прибежала, визжа —
Но нет ни корзинки у них, ни ножа.
Они растоптали грибное семейство...
Откуда в их душах такое злодейство?
Сломали берёзку, сожгли муравейник,
Ежа отфутболили в сумрачный ельник.

Ушли, хохоча, истребляя живое.
Откуда в их душах злодейство такое?!
— Всего лишь грибочек, — мне кто-то ответит,
Другой защищает: «Ну, это ведь дети!»
Поверь, у жестокости возраста нет!
Когда-то за всё, все дадим мы ответ.

* * *

Сидели дети в холодной избе,
На пьяную мать глядели.
Сердито и зло выл ветер в трубе,
Ребята есть захотели.
В кастрюле — холодный комок макарон,
Никак их не подогреешь...
— А давай свечку с тобой зажжём,
От света вдруг станет теплее.
— Давай, и поставим её на стол,
И будем есть макароны,
И дуть на них!
Те, кто посмотрят в окно,
Решат, что уютно дома,
Решат, что сытно у нас и тепло
И лучше всех на свете...
А месяц плакал, смотря за стеклом,
Где смеялись и ели дети.

К Международному дню переводчика (30 сентября)

EMILY DICKINSON

* * *

It was too late for Man —
But early, yet, for God —
Creation — impotent to help —
But Prayer — remained — Our Side —
How excellent the Heaven —
When Earth — cannot be had —
How hospitable — then — the face
Of our Old Neighbor — God.

ЭМИЛИ ДИКНСОН

Вольный перевод Ольги ГУДКОВОЙ

* * *

Для человека было слишком поздно,
Для Бога в поднебесье — слишком рано.
Нам оставалось лишь молиться звёздам,
Надеясь, что поможет, неустанно.
Торжественно-прекрасны двери Рая,
Когда земля не может стать приютом —
И мы уйдём, с надеждой созерцая
Гостеприимный облик Абсолюта.

CLEMENS BRENTANO

(1778–1842)

Wieklinget die Welle...

Wieklinget die Welle!
Wiewehetein Wind!
O selige Schwelle!
Wo wir geborensind.

Du himmlische Blaeue!
Du irdisches Gruen!
Voll Lieb' und voll Treue,
Wiewirdmein Herz so kuehn!

Wie Rebensichranken
Mitinnigem Trieb,
So meine Gedanken
Habthieralleslieb.

Da hebtsichkein Wehen,
Da regtsichkein Blatt,
Ichkanndraus versteinen,
Wielieb man mich hat.

Ihrhimmlischen Fernen!
Wieseidihrmir nah;
Ich griffnach den Sternen
Hieraus der Wiege ja.

Treibnieder und nieder
Du herrlicher Rhein!
Du koemmstmir ja wieder,
Laesstniemichallein.

Meine Muehleistbrochen,
Und klappertnichtmehr,
Mein Herz hoer' ichpochen
Alswenn's die Muehlewaer'.

O Vater! wiebange
War miresnachdir,
Horchmeinem Gesange,
Dein Sohnnist wiederhier.

Du spiegelst und gleitest
Immondlichen Glanz,
Die Arme du breitest,
Empfangemeinen Kranz.

КЛЕМЕНС БРЕНТАНО

Перевод с немецкого Юлии ЗВЕЗДИНОЙ

И ветра струенье...

И ветра струенье,
И пенье волны —
О, край незабвенный,
Где мы рождены!
В лазури небесной,
В цветеньи земли
Исполнится сердце
И сил, и любви.
И мысли, всё это
Объяв и любя,
Подобны побегам
Цветущим хмеля.
Здесь — тишь. Ни единый
Цветок недвижим.
Я понял отныне,
Что тоже любим.
Небесные дали!
Вы снова близки.
Тут в люльке играл я
Лучами звезды.
О, Рейн мой безбрежный,
Стреми свой поток!
С тобою — навечно
Я не одинок.
Пусть мельница — кров мой —
Разбита, пуста,
Но в сердце — как отзвук
Её колеса.
О, Рейн мой, отец мой,
Прими эту песнь
И скромный венец мой —
Я сын твой, я здесь.
И ты, отражая
Сиянье луны,
Венок принимаешь
В объятья свои.

ROBERT FROST

* * *

Whose wood these are I think I know
His house is in the village though
He will not see me stopping here
To watch his woods fill up with snow
My little horse must think it queer
To stop without farmhouse near
Between the woods and frozen lake
The darkest evening of the year
He gives his harness bells a shake
To ask if there is some mistake
The only other sound's the sweep
Of easy wind and downy flake
The woods are lovely, dark and deep
But I have promises to keep
And miles to go, before I sleep
And miles to go, before I sleep.

РОБЕРТ ФРОСТ

Перевод с английского
Марины БОРМАТОВОЙ

* * *

Чей этот лес, я знаю, знаю,
Но только я предполагаю,
Его хозяин не заметит,
Как здесь безмолвен застываю.
Блистают ледяные слитки,
Но мне не холодно в накидке,
Вот только бедная лошадка
Тоскует у моей кибитки.
Лошадка бедная в тревоге,
Её глаза печально строги,
В глухом лесу в вечерний час
Зачем мы встали на дороге?
Дорога дальняя нас ждёт,
За снежным лесом поворот,
Но зимний лес заснуть зовёт,
Но зимний лес заснуть зовёт.